

История и судьбы человеческие

Войну я прошла с маминым благословением

Папа мой, Рябинин Александр Дмитриевич, окончил Московский Императорский университет, фармацевтический факультет, он был провизором. А мамочка моя Рябинина Екатерина Андреевна была акушеркой. У папы отец был священником, и папа тоже сначала окончил духовную семинарию, знал латинский язык. Только образованных людей принимали в Императорский университет. Папа закончил университет в 1915 году, еще до революции. Он долгое время работал управляющим аптекой. Жил в разных местах. А во время учебы работал в Москве, в аптеке известного тогда немца Феррейна на улице Никольской, которая выходит на Красную площадь. И воспринял хорошую школу, потому что немцы во всем аккуратные, точные и скрупулезные, что русскому человеку полезно для опыта. И папа в совершенстве овладел всеми профессиональными качествами. Что до его души — это был добрейший человек.

Мамин дед, мой прадед, был оспопрививатель. У нас в роду такая медицинская стезя. Папины сестры вышли замуж за священников. А мамыны сестры кончили в большинстве фельдшерско-акушерское училище. История мамыного рода очень интересная.

Мамин дед, Андрей Данилович, жил в Шенкурске Архангельской губернии. Сам он был грамотный, знал хорошо русский и греческий язык, служил в городской управе. В свое время туда приезжал царь. Примерно в 1835-м году это было. Царем тогда был Александр II, Освободитель. Рядом с Шенкурском был монастырь, и царские особы туда часто приезжали. В монастыре кто-то находился из Романовых. На берегу реки Веги огромные валуны лежали, на некоторых валунах даже высекали имена Романовых, там захороненных. Царь от железной дороги из Архангельска со свитой добирался на лошадях. И все жители Шенкурска высыпали на улицы встречать Самодержца. И мой дед тоже встречал царя на коне, там пески кругом и трудно передвигаться другим образом. И с городскими властями дед встречал царя в первых рядах. У царя вдруг пал конь. И мой дед сразу сообразил предложить царю коня.

Когда царь уезжал, то увозил с собой из монастырской библиотеки много летописей,

где говорилось о Романовых. А летописи написаны были на древнем славянском языке, который мой дед прекрасно знал. Царь поинтересовался, нет ли в Шенкурске переводчика. И ему представили девушку, Андрея Даниловича Боголепова (такая и девичья фамилия у моей мамы). Царь сразу узнал его, запомнил того, кто ему коня дал. И предложил поехать с ним в Москву, в Кремль. Дед склонился в поклоне перед царем, согласился ехать. И целый год в Кремле переводил эти летописи для Романовых. За труды царь щедро наградил его. У деда была такая шляпка треугольная с золотым позументом и сабля с наградной надписью «За верную службу Отечеству». И еще царь подарил ему часы с дарственной надписью, только не помню, золотые или серебряные. Кроме этого дал ему еще большую сумму денег. Вернувшись в Шенкурск, дед построил себе хороший дом. А еще во время царской встречи дед прострел мою бабушку. Она была черноволоса и кареглаза, понравилась ему очень. Дед сделал ей предложение, сказав: «Я дом начинаю строить, мне хозяйка нужна!» Так началась семья Боголеповых.

История моих предков очень интересна. Каждый служил Отечеству честно, в меру своих способностей.

В том числе и я. Сама окончила Первый Московский медицинский институт в 1943 году. Это тяжелое было время — голод, холод, бомбежки. Аудитории учебные не отапливались. Учиться было сложно. А папа мой отдавал все, чтобы я могла закончить институт. Кроме меня были в семье брат и сестра. Брат был врач, а сестра была фармаколог, как папа. Закончила институт, вскоре попала в армию. Работала врачом в госпитале.

Так как моя мама была очень религиозна, сильно молилась за меня, трижды я в опасные минуты жизни осталась невредимой, хотя была на грани жизни и смерти. Только я не сразу поняла, что это помогли мне мамыны молитвы.

Первый случай был такой. Я еще совсем мало проработала. Было очень холодное время. Нам надоела немецко-американская тушенка — и в супе, и на второе. Каждый день почти одно и то же — в рот не лезла. И нам в выходной день разрешили пойти на рынок купить себе что-нибудь. Я только на

рынок зашла, как мне кричат: «Военврача Рябинину срочно в госпиталь, у нее умирает больная!» Я в ужасе — что случилось. Мы, конечно, лечили в госпиталях не только военных, но и гражданских. И ко мне попала женщина с ранением бедра. Я накладывала гипс, женщина к тому моменту была уже в стадии выздоровления, и вдруг умирает. Это же ЧП! А я еще была девчонка совсем — 22 года, только институт окончила. Мне моя заведующая говорит: «Тебе военный трибунал грозит и расстрел! Если не найдется уважительная причина, почему умерла твоя больная». Что же дальше произошло?! В блиндаже мы вскрывали трупы. Такой был порядок, надо было установить обязательно причину смерти. Вскрываю, ничего не нахожу, а замерзли руки сильно, очень холодно было, — поздняя осень. Сама вся замерзла, но хныкать я не привыкла, в любом горе сожмусь в комок и даже не плачу. Стою, в груди ком, меня трясет всю, не знаю, что делать. А в руках я держала специальный полукруглый нож, который, наверное, от холода, выскользнул у меня из рук. Упал он на труп возле горла. Смотрю, нож-то шевелится. Думаю, что за галлюцинации такие?! Наверное, на нервной почве. Наклоняюсь и вижу в горле, куда упал нож, — целый ком аскаридов (глисты такие есть). Они в комок закрутились и задушили женщину. Представляете, если бы нож не выпал из замерзших рук и не рассек сильнее разрез, я бы не смогла установить настоящую причину смерти и оправдаться, тогда меня бы по военному времени расстреляли!

Второй случай был такой. Стояла первая линия обороны, рядом наш госпиталь.

С поля боя раненых доставляли прямо к нам в госпиталь, мы их сразу оперировали и медицинскую помощь оказывали. Вдруг к нам привезли немцев. Представляете, нам привезли врагов, а мы должны их лечить! Политработники собрали нас, беседу провели, что — это не враги сейчас, а раненые люди, им надо оказать помощь, вас обязало правительство, значит, их надо лечить. Конечно, с камнем на душе, но мы все делали, как положено. И вот в один прекрасный день вдруг ночью — ужасный шум. Мы вскакиваем — что случилось? В госпиталь приехали к нам военные, спрашивают: «Все живы, никого не убили?» Спросонья-то мы ничего не понимаем. А что выясняется. Оказывается, оставшиеся в живых немцы напали на госпиталь (недалеко от нашего еще два таких было — справа и слева). А немцы знали, что в нашем лежат раненых немцев и не тронули госпиталь. А в других госпиталях уничтожили всех — и раненых, и сестер, и врачей, — всех живых убили.

И третий случай. У нас была передислокация. Меня направили во второй эшелон отвезти документы. И вот мы с тем медэкспертом, который подтвердил мою невновность в первом случае, отправились вместе на машине. Вдруг начался обстрел. Шофера сразу убили. Если бы я добиралась одна, меня бы пристрелили. Медэксперт понял, что я девчонка молодая, неопытная, взял меня как щенка, перекинул за борт машины, сам спрыгнул и кричит: «Беги за мной!» Мы быстро побежали и спрятались во ржи, там рожь росла. Нас заметили и минометами давай строчить в нас. А он-то хорошую уже армейскую подготовку прошел. Благодаря ему, мы проползли, правда, ноги в кровь сбили, — ползли же по полю, где камни и все, что хочешь. В общем, мы доползли до леса и остались живы. А у меня уже нет сил. Тогда он хватает меня за руку и тянет: «Бежим!» И мы все бежим, в нас уже не стреляют, но мы задыхаемся и все равно бежим. И нам повезло: выскочили мы на наш танковый батальон. Там нас перевязали, накормили, дали отдохнуть. Всем помогли и на следующий день отвезли во второй эшелон.

А потом, когда я все это вспоминала, — ведь целых три раза я была на грани жизни и смерти, — я поняла, что это мамочка моя за меня молилась, и ее молитва меня спасла. Помню, как мама меня перекрестила пред отправкой на фронт и на войне я была всегда с маминым благословением. Вот так!

Рябинина Антонина Александровна, военврач, прихожанка Васильевской церкви

Как радостно звонят колокола

Я самая старшая из коренных жителей осталась в селе, родилась в мае 26-го года. Крестили меня вот в этой церкви. Как звали батюшку, я не помню. Отца моего звали Тонилин Василий Кириллович, он на войне здорово подорвал, на финской. После войны открылась у него чахотка. А было тогда мне всего два года. И помню только, как его хоронили. Мама осталась одна. Я уж матери подсобляла с самого раннего детства, — потихоньку работала, навоз чистила. Жили мы в Васильевском, а в школу тогда бегали в село Ярыгино. Когда мне исполнилось 16 лет, паспорт еще не успела получить, но повестку на трудфронт уже вручили.

Помню, как лазали на колокольню. Карпов пускал нас: «Девчонки, бегите, посмотрите сверху, какое Васильевское большое и красивое!» Было тогда в селе 140 домов. Сам дядя Герасим Карпов работал в храме всю жизнь. И звонарь был хороший, и пономарь, и сторож, и печник. Его раскулачили за то, что помогал церкви. Росли-то мы вместе с его детьми.

Вот тут в доме, который рядом с моим — всегда вода внизу, воруют, там ключ был раньше.

Здесь жили Волковы (первый житель села был Волков), их раскулачили. Наверху у них была фабрика, а внизу они сами жили, очень много храму помогали.

На месте теперешнего клуба раньше было кладбище. Его осквернили, растащили, разграбили, и потом на этом месте клуб построили, рядом колодец сделали, так вода там была испорченной с самого начала. Когда могилы оскверняли, вырыли женскую косу из могил, озорники с ней по селу бегали. Потом все, что осталось от кладбища, сгребли в одно место и закопали.

Когда безбожное время для многих началось (в 37-м году это случилось) в Васильевском зараз

11 домов сгорело. Бо-ольшой пожар был.

Да и война разве случайно была, — потому что отвернулись многие от Бога. Так вот, позже, когда Великая Отечественная началась, и я получила повестку учиться в школу ФЗО. Одну меня из Васильевского отправили в Краснозаводск. Год и три месяца я там отучилась. В Краснозаводске особая глина была. А на заводе в городе даже четырнадцатилетние мальчишки работали, мужчин ведь всех забрали на фронт. И маленькие мы были, а работали как большие: сами делали патроны, гранаты. Я была в пятом цеху, где изготавливали патроны. И делали, и лаком покрывали,

Любовь к Богу неисчерпаемое сокровище: кто обладает им, тот богат; кто лишен его, тот беден.

Свт. Василий Великий

вали, и в коробки складывали. Рядом и испытательные полигоны были. Где-то месяцы пять отработали, на нас сбросили бомбу фашисты. Хотели, наверное, в завод угодить, но взорвалась она на полигоне. И, слава Богу, ничего страшного тогда не произошло.

Потом вернулась я домой, в колхозе закрепили за мной и Валей Старовой лошадь. Стали мы пахать. 13 января — опять мне повестку, уже на торфоразработки. В Загорск приехали, там ждет нас маленький горбатенький мужичок. Отправил нас на саночках в Дмитров. Первую ночь мы с Варюхой Зюзиной проплакали.

Почему я все это запомнила? Нас привезли туда 13 января, а 14 января в Васильевском престольный праздник, мы этот праздник всегда ждали, в церковь ходили, тогда храм еще был открыт, и дома в семье всегда этот праздник справляли...

Ну а наутро нас расселили по 14 человек в комнатах общежития. И работала я на торфоразработках, по колено в болоте стояла, торф выкапывали, брикеты такие делали — кирпичи. По-

том складывали эти брикеты в штабеля и на маленьком паровозике вывозили на станцию. Всех ночью выгоняли на погрузку, чтобы к 4-м — 5-ти утра нагрузить сухим торфом 11-12 вагонов. Года два я отработала. Потом нас четырех девчонок попросили поработать грузчиками. Тяжело! Агент-мужчина подсоблял бочки грузить. Везли продукты. Ушла, потому что заболела, домой я вернулась.

Вернулась домой после войны, ахнула — все в храме было изуродовано. Церковь разрушили, все обворовали, устроили склад под картошку, зерно, вялки, сортировки и всякое разное. Храм был тогда страшный, серый изнутри.

Прошло много лет, потом вышел указ: храм открыть. Ох, сколько грязи мы выгребли тогда из церкви! Прямо самосвалами вывозили всякий мусор. На полметра было там всякого хлама. А как сейчас радостно — храм открыт, службы идут, колокола звонят.

Рябина Лидия Васильевна, прихожанка Васильевского храма